

Л.А. Тихомиров

**Монархическая
государственность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Л11

Л11 **Л.А. Тихомиров**
Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров – М.: Книга по
Требованию, 2013. – 756 с.

ISBN 978-5-4241-1718-3

"Монархическая государственность" Л. А. Тихомирова - труд совершенно уникальный в отечественной социально-политической мысли, труд доселе никем не превзойденный. Даже противники монархии называли его "лучшим обоснованием идеи самодержавной монархии". Автор глубоко и подробно исследует историю монархического принципа и теоретически выстраивает систему истинной, самодержавной монархии.

ISBN 978-5-4241-1718-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© Л.А. Тихомиров, 2013

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ: «МОИ ИДЕАЛЫ В ВЕЧНОМ» (творческий традиционализм Льва Тихомирова)

Еще с конца XVIII — начала XIX вв. мыслители, не верившие в благодетельность «прогрессивного развития человечества» по пути отхода от вечных основ человеческого общества (религии, социальной иерархии, культурной самобытности каждого народа), — пути, нашедшем себе кристально ясное воплощение в теории и практике либеральной и (чуть позже) социальной демократии, — получили прозвание «консерваторов». Оппоненты «консерваторов» вкладывают в это слово смысл сугубо отрицательный, сделав его бранной кличкой с криминальным оттенком; сами же «враги прогресса и свободы» со своей кличкой смирились и даже с гордостью начертали ее на своем знамени. Между тем, если вдуматься, термины «консерватор», «консервативный», «консерватизм» — совершенно бессодержательны и не отражают сути явления, ими обозначаемого.

Для того, чтобы выяснить, чего хочет «либерал», достаточно перевести это слово на русский язык, к все станет понятно: «индивидуализм, конкуренция, парламент». «Коммунист» — тоже не трудно догадаться: «коллективизм, обобществление, власть трудящихся». В обоих случаях сущность идеологии четко выражена в самом слове. А «консерватор»? «Консервировать», т. е. сохранять, можно все, что угодно, в том числе и либерализм с коммунизмом... «Консерватизм» есть вообще всечеловеческое свойство и присуще может быть любой эпохе, стране, индивидууму. Предполагаю возможное

возражение: «хоть горшком назови — только в печку не ставь», дело не в названии, и так все ясно. Но на эту поговорку найдется другая: «назвался груздем — полезай в кузов». Можно также припомнить учение отца Павла Флоренского о том, что имя определяет судьбу именуемого. Не потому ли отчасти охранители священных основ жизни постоянно терпят поражения, что величают себя столь уныло?

В самом деле, стоит ли все время поддерживать ветхую, из прогнившего дерева, стену, когда можно возвести новую, из камня. Сама «идея стены» остается, но приобретает более надежное воплощение. Вроде бы новаторство, а по сути, ничего нового, — ведь не на ширму стена заменяется. Но «консерваторы» и не занимались сохранением гнилушек, они как раз чаще выступали за строительство каменных стен. Значит, главное в их идеях — не сохранение вообще чего-либо, а сохранение и преумножение исторической традиции, которая может менять формы в зависимости от эпохи, оставаясь в принципиальных пунктах неизменной по содержанию. Следовательно, «консерваторов» гораздо правильнее именовать «традиционалистами». Называясь так, они сбрасывают с себя налет исторической обреченности и интеллектуальной неполноценности, присущих слову «консерватор».

Традиционализм — особая идеология, нацеленная вовсе не на застой, а на развитие человечества, но на развитие, не отрекающееся от прошлого, а, наоборот, опирающееся на него. В традиционализме, как и в других идеологиях, есть свои «консерваторы», но есть и свои «новаторы», или лучше — творцы. Творчество ни в коей мере не противопоставлено традиции, напротив, оно ей необходимо, дабы чистый источник традиции не превратился в грязное болото предрассудка. Противоположность между консервативным и творческим традиционализмом прекрасно выражена в евангельской притче о талантах. Раб, зарывший данный ему талант в землю (раб «лукавый и ленивый») — типичный консерватор, рабы же, преумножившие свои таланты (рабы «добрые и верные») — несомненные творцы. Именно последние и должны определять лицо традиционализма.

В русской культуре XIX–XX вв. не мало было «добрых и верных» — подлинных творцов традиции. Лев Александрович Тихомиров — из их числа...

Судьба Тихомирова и фантастична, и типична одновременно. Родившийся 19 января 1852 г. в Геленджике, в семье врача (принадлежавшего к потомственному священническому роду), он уже в гимназии под влиянием сочинений Писарева увлекся революционными идеями. Впрочем, и без Писарева само по себе, гимназическое образование вело к тому, что, говоря словами Розанова, «всякий русский с 16 лет пристает к партии «ниспровержения государственного строя» [1]. «В истории я учил только, что времена монархии есть время «реакции», времена республики — «эпоха прогресса». <...> Все, что мы читали и слышали, все говорило, что мир развивается революциями. Мы в это верили, как в движение земли вокруг солнца» [2], — вспоминал впоследствии Лев Александрович. Уже старшеклассником юноша имел вполне республиканские убеждения. В 1870 г. юный Лев, окончивший Керченскую гимназию с золотой медалью, поступает на юридический факультет Московского университета, а затем переводится на медицинский. Двух лет пребывания в Москве хватило, чтобы молодой человек стал членом революционных кружков, пропагандистом «передовых идей» в рабочей среде, автором «поджигательных» брошюр (в частности, о пугачевском бунте) и даже «без пяти минут» женихом Софьи Перовской. В ноябре 1873 г. — он арестован и проходит как подсудимый по «процессу 193-х» (т.е. по процессу участников знаменитого «хождения в народ»), после чего более четырех лет проводит в Петропавловской крепости. В январе 1878 г. Тихомиров освобожден и живет некоторое время у родителей под административным надзором, но революционной деятельности не прекращает, участвуя в работе «Земли и воли». В октябре того же года он тайком покидает родительский дом и переходит на нелегальное положение. В произошедшем в 1879 г. расколе «Земли и воли» на «Черный передел» и «Народную волю». Лев Александрович примкнул ко второй, более радикальной, организации (одоблив, между прочим, идею цареубийства) и сделался членом ее Исполнительного комитета и Распорядительной комиссии. Тихомиров стал одной из ключевых фигур «Народной воли» — ее фактическим идеологом и главным редактором партийных изданий. После трагического (и для монархии, и для «народовольцев») 1881 г.,

Лев Александрович (с разрешения партии) покидает Россию, дабы избежать ареста. Немного погодя за ним последует его жена Екатерина Дмитриевна с малолетним сыном Сашей. С осени 1882 г. Тихомиров живет за границей — сначала в Швейцарии, потом во Франции, где в 1883 г. совместно с П. Л. Лавровым начинает издавать «Вестник Народной воли»... И вдруг — словно взрыв бомбы, но на этот раз брошенной в народовольцев — в 1888 г. один из столпов русского радикализма выпускает в свет брошюру с говорящим названием «Почему я перестал быть революционером», а уже в январе следующего года раскаявшийся идеолог революции, получив Высочайшее помилование, возвращается на Родину. Возвращается убежденным традиционалистом, исповедывающим знаменитую триаду: Православие, Самодержавие, Народность.

С сентября 1890 г. — Тихомиров штатный сотрудник крупнейшей монархической газеты «Московские ведомости». В 1909–1913 гг. — уже ее издатель и редактор. В 1906 г. — он активный участник Предсоборного присутствия, занимавшегося подготовкой Поместного Собора Русской Православной Церкви. С 1907 по 1911 г. Лев Александрович — консультант П. А. Столыпина по рабочему вопросу. Он достигает чина действительного тайного советника и Высочайше насаждается золотой табакеркой. После смерти Константина Леонтьева Тихомиров становится самым значительным идеологом русского традиционализма. Из-под его пера выходят такие классические работы, как «Начала и концы» (1890), «Социальные миражи современности» (1891), «Борьба века» (1895), наконец, фундаментальная «Монархическая государственность» (1905). Отход Льва Александровича от общественной деятельности в 1914 г. открывает новый период его жизни и творчества, связанный с углубленной разработкой вопросов философии истории и богословия, плодом чего явилось другое его капитальное сочинение, «Религиозно-философские основы истории» (недавно у нас впервые изданное [3]). Тихомирову пришлось пережить крушение того, чему он служил почти тридцать лет «без страха и упрека», — русского самодержавия и увидеть торжество самых крайних революционных идей, столь блистательно им развенчанных. Но это не изменило его убеждений... Победители не тронули старого льва, он умер своей смертью в Сергиевом Посаде 10 октября 1923 г.

Последним его законченным сочинением была «эсхатологическая фантазия» «В последние дни», в художественно-философской форме повествующая о конце мировой истории — царстве Антихриста и втором пришествии Христа...

Идейная эволюция Тихомирова — «это многих славный путь». Разрыв с нигилизмом, отказ от «наследства 60-х гг.» были характерны для тихомировского поколения русских интеллигентов. Достаточно вспомнить Владимира Соловьева (родился в 1853 г.) и Василия Розанова (родился в 1856 г.). Первый в юности, по воспоминаниям его близкого друга Льва Лопатина, был «типическим нигилистом шестидесятых годов», фанатичным материалистом и дарвинистом, отрицателем Пушкина, наконец, социалистом, верившим в то, что социализм должен «возродить человечество и коренным образом обновить историю» [5]. Второй же, по его собственному признанию, прошел «путь ненависти к правительству... к лицам его, к принципам его... от низа до верхушки... — путь страстного горения сердца к «самим устроиться» и «по-молодому» (суть революции) <...>» [6]. Но ни тот, ни другой в своем нигилизме не доходили до того края, до коего дошел идеолог «Народной воли», не свесились, как он, в бездну, не заглянули в нее. Тихомиров на самом себе проверил истинность «идей 60-х гг.», показав, что практическим выводом из них является — государственное преступление. Он экзистенциально пережил крушение революционного мировоззрения и всего того, что к нему ведет (атеизма, материализма, либерализма). Его опыт сродни опыту героев Достоевского, недаром биографы Тихомирова жалеют о несостоявшейся встрече раскаявшегося «народовольца» и раскаявшегося «петрашевца». Фантастичность же судьбы Льва Александровича в том, что люди, столь далеко зашедшие по пути нигилизма, как он, обычно не возвращаются обратно. Я лично не припомню в мировой истории случая, подобного тихомировскому, когда революционер такого высокого ранга превращается в традиционалиста не менее высокого ранга. Это все равно, как если бы под псевдонимом Жозеф де Местр скрывался Робеспьер или В. И. Ульянов-Ленин в 1905 г. вместе с доктором Дубровиным сделался автором программы Союза русского народа. Да. Тихомиров ушел дальше других, но он и вернулся дальше, радикальнее других. Он вернулся вообще навсегда,

уверенно встал на почву традиции, чтобы с нее уже не сходить. И здесь его отличие от тех же Соловьева и Розанова, которым традиция, порой, служила лишь средством для безответственного самовыражения (я уже не говорю об их политическом легкомыслии).

Былые товарищи Тихомирова по «Народной воле» — Вера Фигнер и Николай Морозов, узнав о его «ренегатстве», горячо поспорили. Фигнер столь решительно недоумевала, что иной причины «измены», кроме как — «заболел психически», — придумать не могла. Морозов же утверждал: «этого всегда можно было ожидать» [7]. Но в том, что «ренегатство» носило идейный, а не корыстный характер, они были единодушны. Действительно, дневники Льва Александровича не оставляют сомнений: и к вере, и к монархизму он пришел совершенно искренне. Мнение же Морозова, видимо, справедливо. Сам Тихомиров в своей покаянной брошюре писал: «<...> в мечтах о революции есть две стороны. Одного прельщает сторона разрушительная, другого — построение нового. Это вторая задача издавна преобладала во мне над первой. <...> вполне сложившиеся идеи общественного порядка и твердой государственной власти издавна отличали меня в революционной среде; никогда я не забывал русских национальных интересов и всегда бы сложил голову за единство и целостность России» [8]. То есть, даже будучи революционером, Лев Александрович не утратил государственного инстинкта, и, наверное, поэтому от него и можно было всегда ожидать разрыва с народничеством. Но инстинкт этот уживался тогда в нем с принципиально антигосударственной теорией; приобретенная с годами и опытом мудрость обнаружила лживость последней и указала инстинкту правильное рациональное выражение. Однако, революционный опыт имел для Тихомирова не только отрицательное значение. Он оставил ему темперамент бойца (столь редко свойственный традиционалистам в переломные эпохи), освободил его от конформизма (порок преимущественно традиционалистский) и, главное, указал на многие больные места России, которые часто не замечались людьми власти и которые нужно было всерьез лечить (а не заговаривать), чтобы выбить из рук революционеров их козыри. В общем, радикальное прошлое помогло Льву Александровичу стать творческим традиционалистом.

В первых же сочинениях, опубликованных после его возвращения на Родину, Тихомиров открыто декларирует творческий характер своего мировоззрения. В статье «Очередной вопрос» [9] он резко критикует «консерваторов» за их вялость в борьбе с революционными идеями, за их неумение создать систематически организованную контрпропаганду. «<...> нам, православным, — пишет он К. И. Леонтьеву, — нужна устная проповедь, или лучше, миссионерство. <...> Нужно миссионерство систематическое, каким-нибудь обществом, кружком. Нужно заставлять слушать, заставлять читать. Нужно искать, идти навстречу, идти туда, где вас даже не хотят <...> важна молодежь, еще честная, еще способная к самоотвержению, еще способная думать о душе, когда узнает, что у ней есть душа. Нужно идти с проповедью в те самые слои, откуда вербуются революционеры» [10].

Леонтьев был, кстати, одним из немногих «консерваторов», разделявших пафос новообращенного «ревнителя устоев», они оба даже предполагали создать нечто вроде тайного общества для борьбы с нигилизмом. Тихомиров высоко ценил силу мысли Константина Николаевича и посвятил разбору его идейного наследия прекрасную статью, в которой блестяще сформулировал основные теоретические постулаты творческого традиционализма, чьим крупнейшим представителем являлся Леонтьев: «По-моему, если цивилизация, среди которой я живу, уже пошла на упадок, то я не посвящу своих сил на простое замедление ее упадка. Я буду искать ее возрождения, буду искать нового центра, около которого вечные основы культуры могут быть снова приведены в состояние активное. Простое задержание смерти того, что несомненно уже гибнет, не есть задача серьезной общественной политики» [11]. Вслед за Леонтьевым Тихомиров звал к развитию «того типа, который мы получили от рождения. Никакой «реакции», никакого «ретроградства» тут быть не может» [12]. В другой своей работе Лев Александрович обличает «ложный», «малодушный» консерватизм за то, что он «из боязни поколебать основы общества скрывает их, не дает им возможности расти и развиваться» [13]. Истинный же «консерватизм» (т. е. то, что мы называем творческим традиционализмом) «совершенно совпа-

дает с истинным прогрессом в одной и той же задаче: поддержании жизнедеятельности общественных основ, охранении свободы их развития, поощрении их роста» [14]. Тихомиров отбрасывает понятия «прогресс» и «консерватизм», заменяя их синтетическим термином «жизнедеятельность», ибо «сохранение органической силы и развитие ее — это одно и то же, <...> органические силы только и существуют в состоянии жизнедеятельности, в состоянии развития, точно так же, как нельзя развиваться, не сохраняясь в типе» [15].

«Либеральные реакционеры», закрепившиеся окончательно и бесповоротно на позициях 60-х гг., не могли себе представить иного развития, кроме как по пут европейского эгалитарного «прогресса», все другие способы развития казались им «застоем», «возвратом к прошлому» и т. д. Тихомировские идеи просто не укладывались в примитивные мозги, устроенные по либеральному шаблону (впрочем, как и в мозги тех традиционалистов, для коих традиция отождествлялась с тем, что «велело начальство»). На обвинения критиков, утверждавших, что его «идеалы в прошлом». Лев Александрович отвечал: «Нет, нисколько. Мои идеалы в вечном, которое было и в прошлом, есть в настоящем, будет в будущем. Жизнь личности и жизнь общества имеет свои законы, свои неизменные условия правильного развития. Чем лучше, по чутью или пониманию, мы с ними сообразуемся, тем мы выше. Чем больше, по ошибке чувства или разума, пытаемся с ними бороться, тем больше расстраиваем свою личность и свое общество. <...> всегда были и яркие, так сказать «идеальные», проявления жизненной силы личности и общества, всегда были и, полагаю, будут проявления падения разложения, бессилия. В прошлом, в настоящем и в будущем, я с одинаковой любовью останавливаюсь на проявлениях первого рода, с одинаковой грустью и порицанием на втором. Идеалы же мои в смысле желаний, относительно будущего, конечно, в том, чтобы видеть в нем возможно большее торжество жизненных начал. «Реакционно» же такое мое воззрение или «прогрессивно» — право, меня это ни на одну йоту не интересует» [16].

В своем мировоззрении, в своих общественных и религиозных идеалах Тихомиров был продолжателем того направления русской общественной мысли, которое было начато славянофилами 40-х гг. (Хомяков, И. В. Киреевский, Аксаковы, Самарин). Еще находясь в эмиграции, Лев Александрович писал О. А. Новиковой (26 октября